

**В серии «Другие Миры»
вышли книги:**

Ника Ветрова
Университет вредной магии.
Пособие по выживанию

Галина Гончарова
Против лома нет вампира
Не сотвори себе вампира

Ольга Куно
Горький ветер свободы
Черно-белая палитра
Чудовище и красавец

Вероника Мелан
Ассасин
Дэлл
Уровень: Магия
Бернарда
Корпорация
«Исполнение желаний»

Ирина Котова
Королевская кровь.
I. Сорванный венец
II. Скрытое пламя
III. Проклятый трон
IV. Связанные судьбы
V. Медвежье солнце
VI. Темное наследие

Ольга Гусейнова
Когда нет выбора
Сумеречный мир

Ольга Хусаинова
Академия Зла.
Испытание ведьмой
Академия Зла.
Быть ведьмой

**Нина Бархат,
Марина Багирова**
Присвоенная

Жанна Лебедева
Сиреневый черный.
Гнев единорога

Лесса Каури
Золушки из трактира
на площади
Золушка вне закона
Золушки нашего Двора

Вероника Ягушинская
Любовь по-драконьи

Алиса Дорн
Институт моих кошмаров.
I. Здесь водятся драконы
II. Адские каникулы
III. Никаких демонов

Таис Сотер
Факультет прикладной магии.
Простые вещи
Факультет боевой магии.
Сложные отношения

Кира Стрельникова
Своеобразный подарок
Бездушная

Дарья Кузнецова
Модус вивенди
Железный регент

Ольга Романовская
Песочные часы

Юлия Григорьева
Погоня за сказкой

Ирина Зволинская
Охота на дракона

Алина Полянская
Магистрия

Анна Невер
Обжигающий след
Обжигающий след.
Потерянные

Екатерина Богданова
Академия времени

Марина Александрова
Соль.
Судьба первородной

Марина Суржевская
Ветер Севера. Риверстейн

Ольга Миклашевская
Это все магия!

Алина Лис
Маг и его кошка

Лариса Петровичева
Лига дождя

Александра Черчень
Господин моих кошмаров

Евгения Сафонова
Лунный ветер

Дарья Кузнецова

ЖЕЛЕЗНЫЙ РЕГЕНТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К89

Разработка серийного оформления
Евгения Антофия
Иллюстрация на обложке
Станислава Дудина

Кузнецова, Д.
К89 Железный регент : роман / Дарья Кузнецова. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 352 с. — (Другие Миры).

ISBN 978-5-17-107773-0

Каждому с детства твердят, что нельзя верить незнакомцам. Рина Пыль Дорог всегда считала это разумным, но однажды нарушила правило и рискнула, последовав за чужаком.

Ив Ярость Богов, прозванный Железным регентом. Безумец, обласканный богами. Воин, которого умирающий кесарь во имя спасения наследника наделил неограниченной властью. Так ли он опасен, как говорят? И для кого больше: для врагов, для оказавшейся рядом молодой девушки или же для себя самого?

ISBN 978-5-17-107773-0

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Д. Кузнецова, 2018
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»,
2018

Глава 1

Рискованный выбор

Рина Пыль Дорог

— Ах ты, ржавая... — **декатор**¹ Диз, сыплющий площадной бранью, сипел от ярости, и я с грустью поняла, что доигралась. В прямом смысле.

Не покалечил бы!

Я зажмурилась крепче, прижав руки к животу и втянув голову в плечи, словно пытаюсь свернуться внутрь себя, закрыться, подставив под надвигающуюся опасность спину или, в крайнем случае, голову. Да, это тоже больно. Но если бешеный, наотмашь, удар тяжелой нагайки придется на руки... Я неминуемо останусь калекой, а значит, умру с голоду.

Вот только удара не последовало. Более того, мир вокруг вдруг затих, замер, как будто исчезло все: и уютный обеденный зал гостевого дома, и здешний хозяин, и немногочисленные в это время посетители. Я рискнула приподнять голову и взглянуть на своего палача. Выглядел он неважно: лицо посерело и пошло лихорадочными красными пятнами, а в глазах плескался ужас, причиной которого была, конечно, не я, а неожиданно прервавший расправу незнакомец.

Чужак без видимого усилия удерживал за запястье занесенную для удара руку декатора, которая стремительно синела, и лоснящаяся рукоять нагайки уже едва держалась в ослабевших пальцах.

Невольно я засмотрелась на незнакомца — он был высок и широкоплеч, сложение настоящего воина. Одет дорого, но практично и неброско: добротные штаны, великолепные блестящие сапоги, темно-серая туника до

¹ Здесь и далее, значение слов, выделенных **жирным шрифтом**, можно найти в Глоссарии.

середины бедра, опоясанная широким плетеным ремнем, сверху — долгополый жилет и заколотый вычурной фибулой плащ, полы которого откинута за плечи. На боку — короткий меч в ножнах.

Худое лицо мужчины трудно было назвать красивым, но оно явно выдавало аристократическую породу и привлекало внимание, особенно в сочетании с золотисто-русыми волосами, мягкими локонами спадавшими на плечи. Локоны эти больше подошли бы какой-то очаровательной юной барышне, но высказываться на эту тему, а паче того шутить, язык не повернулся бы.

В пришлом было столько Железа, что окружающие волей-неволей втягивали головы в плечи и сгибали спины для поклона: над подобными людьми никогда не смеются, даже в самых нелепых обстоятельствах.

На меня неожиданный спаситель смотрел со спокойным задумчивым интересом, без обычной для вельмож снисходительности и спеси, чем сразу расположил к себе. Поймав мой взгляд, мужчина чуть улыбнулся и приветливо кивнул. Улыбка ему решительно шла, от нее холодные серо-стальные глаза заметно теплели. Решив, что человек с такой улыбкой, да еще проявивший ко мне неожиданную заботу, плохим не может быть по определению, я неуверенно улыбнулась в ответ и позволила себе немного расслабиться, расправив плечи и разогнувшись.

В этот момент молодой спутник незнакомца, одетый гораздо богаче, вежливо тронул его за плечо, привлекая внимание, и кивнул на онемевшего от ужаса декатора. Русоволосый бросил на моего мучителя рассеянный взгляд, будто только теперь вспомнил о его существовании, и разжал ладонь. Нагайка с глухим стуком, заставившим меня вздрогнуть, ударилась об пол, а декатор согнулся в поклоне, поскуливая от боли, лелея изувеченную руку и бормоча что-то подобострастное.

— Как тебя зовут? — спросил незнакомец, протягивая мне ладонь, чтобы помочь подняться, а я... Повела себя очень глупо. Замерла с протянутой в ответ рукой, едва не

открыв рот от удивления, и уставилась на мужчину с восхищением, которое, подозреваю, слишком откровенно читалось в моем взгляде.

Голос у спасителя оказался изумительный — сильный, густой, сочный баритон, от звука которого по спине пробегали мурашки. Я никогда не слышала подобного тембра, но уже знала: готова слушать этого мужчину бесконечно.

Так и не дождавшись ответа, обладатель чудесного голоса усмехнулся уже вполне явственно, нагнулся и, аккуратно подхватив меня под локти, поставил на ноги. На мгновение меня окутал резкий запах дороги — сырого ветра, пыли, конского и человеческого пота — и очарование чужака немного ослабело. Я будто очнулась, обнаружив рядом с собой обычного человека из плоти и крови, а не божественное видение.

— Как твое имя, девочка? — повторил он, но на этот раз я уже знала, чего ждать, и не поддалась колдовству его голоса.

— Рина Пыль Дорог, господин, — тихо ответила, вежливо склонив голову.

— Рина — это ласточка? — чужак вопросительно изогнул бровь, чему-то улыбаясь.

Я только кивнула в ответ.

Все наши имена — это слова старого языка, на котором боги дали названия вещам. Немногие сейчас помнили этот язык, но мой благородный спаситель, кажется, был исключительно образован. Впрочем, одного взгляда на него хватало, чтобы понять: этот господин бесконечно далек от обыденности. Может быть, он самый неординарный человек из всех, кого я когда-либо встречала.

Эта мысль вызвала почти восторг и непонятное щемящее чувство.

— Айрик Пыль Дорог — твой родственник? — спросил тем временем чужак.

— Он мой отец, господин, — ответила я честно, разглядывая незнакомца уже с большим интересом. Несмотря на запах дороги, он совсем не походил на простого

путника, который мог бы знать и, главное, помнить о старом барде. Тогда откуда?..

— Ты поздний ребенок или приемыш? — продолжил допытываться мой спаситель.

Мне очень не хотелось отвечать на вопросы о покойных родителях, да еще на глазах зевак, но вельможу подобные мелочи, похоже, совсем не волновали, а я не рискнула перечить.

— Родная дочь, господин, — проговорила я и, понукаемая его пристальным вопросительным взглядом, требующим подробностей, принялась пересказывать свою короткую несложную историю: — Ради мамы отец оставил путь, но, когда та умерла, дорога вновь позвала его. Он пытался учить меня, но боги отпустили мне не так много таланта, как хотелось бы сильному **дану**. Мне девятнадцать, у меня только третья **ступень**, и подняться выше я смогу, при всем своем старании, всего на пару. Несколько лет назад **Держащий-за-Руку** увел отца на **Железные облака**, и мне дали приют добрые люди, хозяева этого гостевого дома.

— Поедешь со мной в столицу, Рина Пыль Дорог? — неожиданно спросил вельможа, чуть склонив голову к плечу. — Айрик был великолепным бардом, но его талант имел лишь одну яркую грань. Если мне не изменяет память, он помогал выбрать верный путь и почти ничего не умел сверх этого. Редкий, ценный дар, но хороший наставник должен уметь настраивать души. Я думаю, при должном обучении ты сумеешь подняться выше пятой ступени. Может быть, до седьмой или даже до восьмой.

— Зачем вам это? — потрясенно спросила я.

Песни-чары отца действительно помогали слушателям принимать важные и, что особенно ценно, верные решения, за что его и любили. Он видел во мне слабые отголоски того же таланта и пытался его развивать, но получалось слабо, да и отец не был хорошим учителем. Осознавая это, Айрик намеревался отправить меня на обучение по достижении нужного возраста, но, увы, не дожил до него, скончавшись в небольшой комнатухе на

втором этаже тихого гостевого дома под названием «Большая крыша».

Незнакомец же говорил очень странные слова, проявлял поразительную для случайного прохожего осведомленность, и потому я таращилась на него с все возрастающим опасением. Если спаситель обещает мне седьмую ступень, значит, разглядел что-то еще, кроме слабеньких способностей искателя дорог. Но уверенно говорить о таком может только человек с сильной Искрой, что к моему собеседнику явно не относится. Весь вид его говорил, что передо мной — человек Железа до кончиков волос, и металла в нем больше, чем в ком-либо, встречавшемся мне на пути. Я сроду никогда не слышала, будто эти любимцы **Идущей-с-Облаками** обладают талантом читать в душах!

Да и слишком уж лестное предложение, сложно не заподозрить подвоха. Фантазия сразу нарисовала множество нехороших и страшных картин, стоило мне представить, для каких целей этому сильному высокому мужчине могла бы понадобиться наивная девочка вроде меня.

— Я так хочу. Мне интересно, — спокойно ответил незнакомец, продолжая внимательно меня разглядывать. — Не бойся, не обману и не обижу. И другие не посмеют. Слово, — веско произнес он и, пока я пыталась придумать, как на все это реагировать, спокойно достал из ножен на боку длинный, устрашающего вида кинжал и чиркнул им по своему запястью, подтверждая клятву кровью.

Мне показалось — а может, и не показалось вовсе? — что порез в тусклом свете блеснул металлом.

Все это до нелепости походило на воплощение сказки, девичьей мечты: прекрасный герой, спасающий от страшного чудовища и увозящий на белом скакуне в закат. Настолько дико, что поверить в реальность происходящего просто не получалось, хотя моих слабых способностей вполне хватало, чтобы убедиться в подлинности клятвы, которую действительно приняли боги.

Я уже открыла рот, чтобы как-нибудь особенно нелестно высказаться о чудаковатости некоторых путников, но в этот момент взгляд зацепился за маячившего

неподалеку декатора, и мне будто плеснули холодной воды за шиворот. На меня офицер сейчас не смотрел, он вообще был полностью поглощен своей болью и бедой, но... Я слишком давно знала этого человека, чтобы понимать: не спустит. Не того, что я избежала удара, а публичного унижения. И в следующий раз не просто приголубит в сердцах нагайкой, а осознанно забьет до смерти. Причем, боюсь, отнюдь не сразу: зная этого негодяя, в его грязных намерениях можно было не сомневаться.

— Я согласна, господин, — проговорила я тихо, опуская взгляд.

Не могу сказать, что я всерьез поверила этой клятве и прониклась доверием к незнакомому мужчине, который мог одной рукой сломать мне шею. При желании обещание это можно было толковать как угодно: кто знает, что чужак подразумевает под обидой и в чем именно не собирается обманывать? Я все-таки не ребенок, выросла в дороге и при трактире, видала в своей жизни многое и еще больше слышала от отца и постояльцев. Клятва звучала веско, но даже я смогла бы при желании найти в ней лазейку.

Вот только сейчас, на расстоянии удара нагайки декатора, я была готова на что угодно, лишь бы избежать расправы. Потому что остаться значило подписать себе смертный приговор.

А рядом с этим незнакомцем еще были возможны варианты.

Вельможа по-прежнему не вызывал во мне страха, а чутью я привыкла доверять. В конце концов, с меня-то он никаких клятв не требовал и никакими обязательствами не связывал — значит, ничто не помешает мне сбежать при малейшей угрозе.

Да к тому же путник был слишком спокоен и серьезен, а мне так хотелось поверить в правдивость его слов!

— Эта девочка — под моей рукой! — повысив голос, объявил присутствующим мой спаситель и добавил столь же спокойно и веско, долгим тяжелым взглядом смерив

декатора: — Если кто-то посмеет хотя бы косо посмотреть в ее сторону — умрет.

Офицер затрясся и мелко закивал, хотя мне все равно не верилось, что этот человек послушается приказа какого-то незнакомца.

— Спой нам, бард, — буднично обратился ко мне вельможа, после чего развернулся и двинулся к большому столу в углу, где уже успели расположиться его спутники.

Своего имени он так и не назвал, но напоминать об этом я не стала. Гораздо разумней выяснить все самостоятельно, чем указывать высокородному на его оплошность.

А еще я запоздало огляделась и поняла, что окружающие смотрят на моего спасителя с благоговением и страхом гораздо большими, чем этого требует ситуация. Да и власть незнакомца, и его право вот так на ровном месте грозить окружающим смертью не вызвали ни у кого сомнений. Похоже, одна я не догадывалась, чья рука отвела удар, а для большинства присутствующих имя путника не было секретом.

Кто же он такой? Может, потому и не назвался, что не ожидал от меня такой неосведомленности?

Подобрав со своего стула в углу инструмент, я подошла к гостям.

— Что желает услышать господин? — спросила, украдкой разглядывая сидящих за столом спутников моего спасителя.

Их было восемь. Шестеро крепких мужчин в потертой дорожной одежде, явно охрана, богато одетый тип, который попросил сероглазого выпустить декатора, и еще одна непонятная фигура, с головой закутанная в плащ. Под капюшоном клубилась тьма, скрывавшая лицо, а руки явно принадлежали старику, но утверждать это наверняка я не могла: человека так плотно окутывали иллюзии, что не было шансов разобраться, где их начало, а где конец.

— Ты же бард, выбери то, что считаешь нужным, — улыбнулся вельможа.

— Вы хотите слышать голос или Искру? — после пережитого потрясения мне совсем не хотелось петь и уж тем более открываться для мира и сидящих за столом, чтобы подобрать *нужную* песню, но говорить об этом и спорить с желанием незнакомца не стоило. Я всерьез обязана ему, и пение — меньшее, чем можно отблагодарить.

— И то, и другое, — со смешком ответил за него богато одетый мужчина, бросив на моего спасителя непонятный взгляд.

Тот кивнул, и я осторожно присела на табурет, стоявший у торца стола. Мужчины предпочли устроиться на лавках вдоль, а напротив меня оказался загадочный тип в плаще.

Я глубоко вздохнула и медленно кивнула, скорее своим мыслям, чем ему в ответ. Прикрыла глаза, устраивая на бедре старую, еще отцовскую лиру, легонько приласкала струны.

Послушаем, что скажет мир. Если, конечно, он пожелает со мной сейчас откровенничать...

Бардов часто считают ветренными, непостоянными. Может, зачастую все именно так и выглядит, но такому поведению есть объяснение. Мы слышим мир и подхватываем его настроение, а мир изменчив. Приходят и уходят путники, дни сменяют ночи, и вместе с этим меняемся мы. Меняемся только на поверхности, в глубине остаемся прежними, но кто способен заглянуть в эту глубину?

Мир отозвался. Сверкнула Искра. Заговорила лира. Запела я.

Сегодня мир — тот маленький клочок, что состоял из обеденного зала и людей в нем, — думал о дороге. Не той, что начиналась за дверью и которую топтали копыта лошадей, а той, которую мы никогда не замечаем. Каждое слово, каждая мысль и тем более поступок — это новый шаг по той дороге, новый поворот на извилистой тропе, новое распустье в бесконечном лабиринте. Неповторимая дорога жизни, рисунок пути по которой определяется нашим выбором.

В придорожных гостевых домах часто об этом думается. И постояльцам, и хозяевам, и самим домам.

Хоть вельможа и желал услышать мою Искру, прибегать к ней я не стала. Лишь совсем чуть-чуть, успокаивая окружающих и настраивая их на более мирный лад: после произошедшей сцены всем ее свидетелям и участникам стоило отвлечься.

Барды — это, пожалуй, самые «чистые», подлинные из данов, как на старом языке называли людей Искры. Музыка барда — отражение желаний мира и настроения слушателя. Видя их и используя данную богами Искру, мы можем воздействовать на людей. Менять настроение, влиять на здоровье, даже исправлять судьбу, подталкивая слушателей на верный путь. С одним ограничением: бард не может навредить. Нет, возможность такая есть, но Искра этого не выдерживает и гаснет, а следом за ней, как правило, погибает и опустевший сосуд.

На заре времен, когда Обжигающий Глину создал мир и населил его людьми, сам мир показался создателю прекрасным, а вот люди разочаровали. Они должны были стать чем-то особенным, венцом и украшением его работы, но оказались скучны и обычны. И тогда бог обратился к своим сородичам за помощью.

Искру людям подарил **Немой-с-Лирой** — бог, считающийся теперь покровителем искусств. Откликнулась и Идущая-с-Облаками, которая дала смертным Железо — кровь и силу земли, дарующую возможность изменять мир, не слушая его желаний. Возможность не только созидать, но и разрушать. И это закономерно: настоящее искусство способно нести лишь благо, а жизнь слепа, равнодушна и одинаково оделяет всем, что подвернется под руку.

Малые толики Железа, как основы жизни и Искры, как основы души, есть в каждом человеке, но когда чего-то одного заметно больше — получается дан или **фир**. Именно поэтому дан никогда не сумеет управлять Железом, а фiry не имеют силы настоящей Искры.

Я пела долго и с облегчением чувствовала, как из людей по капле выходят напряжение и страх. Зазвучали голоса, замелькали улыбки, засновали между столов хозяйские дочери — три сестры, молоденькие и хорошенькие, выполняли в этом семейном заведении работу подавальщиц. И, что уж там скрывать, они были приманками для гостей: смешливые, бойкие, одним своим видом внушающие мужчинам желание заглянуть сюда еще раз. Дурного себе с хозяйскими дочками никто из постоянных гостей, ясное дело, не позволял, приходили больше поглазеть и поговорить. А на тех, кому вино застило разум, мог повлиять младший брат хозяина — тихий дурачок, разумом навсегда застрявший в детстве, но зато наделенный воловией силой, который на вытянутых руках выносил буянов за дверь и аккуратно усаживал в широкую лужу сбоку от дома, в которой резвились хозяйские хрюшки.

Закончила я по повелительному жесту вельможи, который проявил вежливость и прервал меня, только дождавшись паузы.

— Я рад, что не ошибся в тебе, бард Рина. Будь готова на рассвете. Провиант, постель и прочее с собой не бери, только дорогие тебе личные вещи и смену одежды: ровно столько, чтобы хватило добраться до столицы.

Я только покладисто кивнула, не загружая спасителя лишними подробностями. У меня всего имущества и было — несколько отцовских книг, лира да немного одежды. Деньги, которые хозяин гостевого дома исправно платил за игру, я старательно копила, надеясь через несколько лет собрать достаточную сумму, чтобы перебраться в город и продолжить обучение. Нужно отдать хозяину должное, был он со мной честен и не обижал. Давал столько же, сколько давал бы любому барду, за вычетом достаточно скромной суммы за постой и еду.

Перед декатором вот только не вступился, но за это я не могла его винить: во-первых, я ему не дочь, а во-вторых, я действительно сама нарвалась. Ничего не могла с собой поделать — над пьяными выходками этого типа каждый раз потешался весь город, а я слишком чутко

в этот раз отнеслась к настрою посетителей, вот и спела о том, как «один сильный животом воин на коленях признавался в любви лошади, и даром бы кобыле — жеребцу». Случилось это вчера, на глазах половины **декаты**, а сегодня стало любимой темой для разговоров и причиной (или только поводом?), по которой один из благородных горожан отказал декатору от дома. Все бы ничего, но на дочку горожанина офицер имел виды, так что сегодня он пребывал в отвратительном настроении. Мне стоило бы придержать язык, но вдохновение — капризная штука, и воспротивиться миру в тот момент я не сумела: этому тоже нужно учиться.

Следуя примеру своего господина, остальные его спутники разом поднялись из-за стола и, провожаемые одной из девушек, отправились в заднюю часть дома, где находились гостевые комнаты.

Стоило тихо шуршащей занавеске из крупных деревянных бусин, нанизанных на прочные нити, сомкнуться за спинами гостей, как ко мне, воровато оглядевшись, подошел хозяин заведения, Лат Большая Крыша. Он следил за порядком в зале, занимал страждущих разговорами, подливал печальным вина — в общем, исправно исполнял свои обязанности.

Прозвищем этим мужчина очень гордился. Второе имя дети берут от родителей, жены, при желании — от мужей, а получить свое собственное, да еще уважительное, совсем не просто. Его нужно в прямом смысле слова добиться, заслужить, и тот факт, что Лата давно уже зовут в честь его любимого детища, означает признание окружающими — и этого детища, и самого мужчины.

— Рина, пойдем, тебя Арна зовет, — сказал он, сославшись на свою жену, ведавшую кухней.

Я послушно повиновалась, не спрашивая по дороге, — тут идти два шага.

— Рина! — женщина явно меня ждала, потому что, завидев, всплеснула руками и порывисто прижала к широкой груди. — Девочка, как ты?